

История одной строки, которую нельзя выбросить из песни

Дрикер Григорий (выпускник физфака 1964 года)

Эту песню со строкой "... звали меня Генка Иванов" я вновь услышал возле костра на Карпатах, когда после многолетнего перерыва, в 1983 году, сильно затосковав от застоя и выпросив у Володи Громыко брезентовый костюм цвета хаки, с большой группой туристов пошёл в поход из Ивана-Франковска на гору Близницу. Симпатичную женщину из Лыткарино, которая знала сотни туристских песен, я спросил: откуда эта строка, но она с улыбкой только пожала плечами.

Прошло ещё много лет, от нас ушёл Гена Иванов, вышла книга его стихов "Какие разные у года времена", где куплет с этой строкой вынесен на обложку. И мне показалось интересным рассказать смешную студенческую историю.

Точно помню, что события происходили в октябрьские праздники, скорее всего в 61-м году. Привычка на день или два с ночёвками ходить по Подмоскovie почти укоренилась. Среди нас были люди, которых в качестве сильных туристов мы воспринимали почти как профессионалов. Назову только семейную пару Алексеевых: Володю и Лилию и многие меня поймут. Себя же мы ощущали любителями. Не готовились, схем маршрута не рисовали, вокзалы выбирали с потолка, количество станций определяли по сумме выброшенных пальцев, а в какую сторону идти от станции определяли с помощью монеты. Конечно, так было не всегда, но общая идея понятна. Палатки и котелки брали напрокат в цокольном этаже и, кажется, бесплатно.

Вот и тогда 6 ноября мы с Володиёй Громыко ехали с Белорусского вокзала и в электричке встретили Гену с Таней Гутенмахер. Кажется, это была оговоренная встреча, хотя случайность не исключаю. Потому что мы жили в общежитии, а они москвичи. И в силу таких жилищных обстоятельств контакты были менее плотными. Но с Геной у меня были, если не дружеские, то добрые приятельские отношения. Хорошо помню, когда Гена резко запомнился мне. Однажды он сказал, что был в Большом на премьере оперы "Война и мир" Прокофьева. Я проявил интерес, он обрадовался и начал рассказывать, а поскольку я слушал, начал напевать мелодии, увлёкся, пересказывал, пытался воспроизвести хор, оркестр, исполнителей, и так почти час. Я был откровенно поражён его музыкальной памятью. У меня со слухом проблемы, хотя я театр всегда любил, а Володя – фанат классической музыки, иногда меня куда-нибудь увлекал. Но тот театр одного актёра для одного зрителя, что продемонстрировал Гена, я запомнил навсегда. Что он пишет стихи, я знал – мы иногда что-то читали друг другу. Но бесспорным поэтом курса после целины был Валера Канер.

В электричке утвердилось, что мы едем на Звенигород и дальше на озеро Круглое – оно же Глубокое. Кто-то знал номер автобуса, который довёз нас до места, где кончается асфальт. А дальше к озеру надо было идти через лес. Поскольку из университета мы выбрались после занятий, то в этот третий месяц осени к моменту входа в лес уже по-настоящему стемнело. Но направление было известно, лес редкий и довольно чистый, да вроде и луна светила. И худобно мы бы добрались без приключений, но вдруг где-то далеко мелькнул огонёк и ещё, и мы решили, что это костры на берегу. Поэтому свернули с нашего направления, чтобы идти к озеру напрямик.

Под ногами хрустел свежий ледок и чавкала вода, но менять решение было поздно. Когда вода стала доходить до колена и выше того, Таня стала сомневаться в нашей правде, но она ещё не знала, с каким рыцарем отправилась в поход. Гена возложил её на руки и гордо двинулся вперёд. Но впереди его ждало горькое разочарование в виде скрытой под водой ямки. Он поскользнулся и медленно стал падать, продолжая держать Таню в горизонтальном положении. Первой под воду ушла Таня, а за нею Гена. Когда они, вымокнув, поднялись, идти стало совсем просто и не страшно. Поскольку и мы с Володей изрядно промокли, то тактичности, чтобы не шутить и не хохотать над рыцарем и прекрасной дамой, у нас не хватило. К счастью, огоньки действительно оказались кострами на берегу, и мы благополучно приземлились недалеко от одного из костров.

Палатку поставили быстро, сначала Таня, а потом Гена переоделись в то сухое, что удалось сохранить, а мы с Володей долго мучились с костром, пока не утащили у давно спящих соседей несколько догоравших полешек. Согрелись и уснули. И всё было бы хорошо, но не было бы той самой строчки, если бы Гена утром не доказал нам, кто здесь настоящий мужчина. Едва мы начали греть воду для завтрака, Гена с победным кличем нырнул в воду. Озеро, с такой массой воды, может быть, и не успело сильно остыть. Это удивительно круглое водохранилище и очень глубокое. Я не буду обращаться к Гуглу или Рамблеру, где сегодня всё можно узнать. Тогда было мало карт, схем, описаний – то ли сил не хватало стране, то ли секретность заела. Диаметр озера вижу около километра, а глубину называли несколько сот метров. Немножко поныряв и покричав, Гена выскочил на берег, начал дрожать и, даже попив горячего чая, не пришёл в норму. Простуда была очевидна и, навалив на него все одеяла, уложили в палатку выздоравливать. Про спиртное ничего не пишу, потому что не помню, хотя выпивали мы не много.

Весь день мы с ним нянчились, но из Пушкина все знают, как тоскливо общаться с больным, даже с родным дядей. Поэтому во второй половине дня, когда мы убедились, что жизни Гены ничего не угрожает, оставив его в тепле и сытости, втроем пошли гулять по периметру озера. Долго или коротко, но мы подошли к костру, возле которого пели. Естественно, возле них мы и притормозили. Группа была из Подмосковья, то ли Фрязево, то ли Фрязино, в общем из какого-то силиконового городка. Песни были известные: про бабку-голубку, про Афанасия, что восемь на семь, про большого учёного по языкознанию, куплеты сомнительного содержания, то-есть нормальный песенный набор того периода нашей жизни.

А когда они спели "приморили, гады, приморили..." мы поняли, что присутствуем при явлении высокого искусства. И чтобы не потерять его, решили выучить наизусть, запомнить, и исполнители с удовольствием, почувствовав ценителей, повторили песню. Каждый из нас троих должен был запомнить свой куплет.

Мне, как самому старому, доверили главное – припев, который повторялся чаще всего:

*Приморили, гады, приморили,
Загубили молодость мою,
Золотые кудри поседали,
Знать, у края пропасти стою.*

Тане поручили медико-лирическую часть:
Я люблю бездельников и пьяниц

*За разгул душевного огня,
Может быть, чахоточный румянец
Перейдёт от них и на меня.*

Володе осталось запомнить, что осталось. Но пару слов о моём друге Володе. Он перевёлся к нам на третий курс из Тбилиси. Чтобы это сделать – перезачесть, досдать и не потерять ни года – он совершил свой личный подвиг и быстро вышел в отличники. Очень талантливый и очень сосредоточенный, это нужно знать, чтобы понять, почему из четырёх строчек куплета он запомнил только одну или две, и то, кажется, с нашей помощью:

*Всю Сибирь прошёл в лаптях обутый,
Слушал песни старых чабанов...*

В общем, проблемы возникли с третьей и четвертой строками. Поскольку третья строка полностью выпала из сознания, то путём глубокой реконструкции и с учётом тогдашней конъюнктуры, родилась патриотическая и политкорректная строка:

В Африке сражался я с Мобутой...

Безусловно, эту поэтическую работу мы совершали уже возле своего костра, который соорудил к нашему возвращению из творческой командировки отоспавшийся и почти выздоровевший Гена.

С последней строкой тоже было всё непросто. Её удалось вспомнить:

Ветер дул с каспийских берегов.

Но после счастливой находки третьей строки хотелось чего-то совсем свежего и звонкого. И оно было найдено. Эта та самая строка, благодаря которой имя Гены Иванова осталось не только в памяти друзей и не только на обложке поэтического сборника, но в песенном фольклоре, который вечен:

Звали меня Генка Иванов.

И всё стало на место. Я смотрю на фотографию, где мы в солдатской форме на сборах под Ярославлем после четвертого курса стоим рядом в строю по команде "вольно", где Гена ещё безбородый, но уже вполне свободный и гордый.

Видимо, строки того куплета настолько естественно слились между собой, что вскоре эта песня с дополнениями, написанными Геной и С. Крыловым, вошла в репертуар легендарной агитбригады, а спустя годы под названием "Сибирь" в сборник стихов Гены. И как яркий штрих романтического образа Г. Иванова песня упоминается в воспоминаниях Светланы Ковалёвой, Сергея Крылова, Валерия Миляева, Александра Кессениха.

Я не знал и сейчас не знаю, кто на самом деле написал этот шедевр, но четверо авторов той самой строки ("Я так думаю!" – Мкртчян) уже вошли в анналы поэтической антологии.